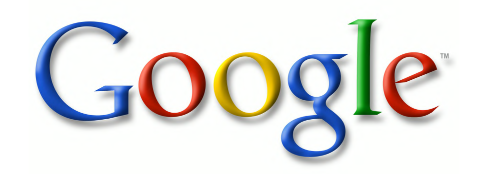

УКА ВУКАЛОВИЧЪ

(первое герцеговинское возстание).

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКАГО.

данiе Дамскаго Отдѣленiя Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ Москвѣ.

ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДСТВУЮЩИХЪ ЖИТЕЛЕЙ

БОСНIИ, ГЕРЦЕГОВИНЫ И СТАРОЙ СЕРБIИ.

ЦѢНА 10 КОПѢЕКЪ.

МОСКВА.
усскихъ Вѣдомостей». Мясницкая, [illegible] пер., д. № [illegible]
1875.

ЛУКА ВУКОЛОВИЧЪ.

ЛУКА ВУКАЛОВИЧЪ

(Первое герцеговинское возстаніе).

Жизнь воеводы Луки Вукаловича тѣсно связана съ герцеговинскимъ возстаніемъ 1857—1863 годовъ. Онъ былъ душою этого возстанія, которое имъ было вызвано и безъ него никогда не продлилось бы такъ долго. Если бы между возставшими было больше взаимнаго довѣрія и единодушія, Вукаловичъ довелъ бы свое дѣло до конца, т. е. добился бы еще въ 1861 г. полнаго освобожденія своего народа. Это великое дѣло, противъ котораго турецкая сила оказывалась безсильною, погибло лишь отъ недостатка взаимнаго согласія, отъ зависти и мелочности, едва не погубившихъ самого Луку. Вотъ какъ это было *).

Въ требинскомъ кадилукѣ (нахіи), въ юго-западной окраинѣ Герцеговины, у высокаго плоскогорья Ястребицы, между каменистыми скалами прячется знаменитое село Зубцы. Границами ему служатъ, на сѣверѣ — Кореничи и городъ Клобукъ, на востокѣ — Черногорія: на югѣ—Конавля, граница Австріи, на западѣ—Шума и Попово Поле.

Поверхность, занимаемая этимъ краемъ, почти вся скалиста; равнины не бываютъ больше часа ходьбы въ длину и часа въ ширину; большая часть ихъ покрыта лѣсомъ, и годной къ обработкѣ земли остается очень мало; въ продольныхъ долинахъ сѣютъ жито, капусту и картофель. Все село состоитъ изъ 300 хатъ, построенныхъ изъ камня и крытыхъ тесомъ или соломою. Жители его, составляя одно общество, дѣлятся на задруги (родовые союзы).

Въ Зубцахъ есть пять церквей: св. Георгія, св. Спаса, св. Пятницы, Успенія Божіей Матери и св. Ильи.

Жителей въ Зубцахъ около 4,000, всѣ православнаго вѣроисповѣданія. Народъ видный, красивый, крѣпкій и хотя не образованный, но понятливый, смѣтливый, живой и воинственный.

Образъ жизни зубчанъ, какъ и всѣхъ вообще сербовъ, очень простъ: питаются они болѣе всего капустою, молокомъ и сыромъ. Мясо ѣдятъ лишь по большимъ праздникамъ; на свадьбахъ и въ день „Крестнаго

---

*) Предлагаемый читателямъ разсказъ сербскаго писателя Никшича представляетъ довольно вѣрную и живую картину одного изъ самыхъ видныхъ событій въ новѣйшей исторіи сербовъ; онъ заимствованъ изъ 116 книги «Лѣтописа Матице Српске», за 1874 годъ.

имени“ *). Обычная одежда герцеговинскихъ мужчинъ — на головѣ феска съ бѣлою повязкою изъ домашняго сукна, широкіе штаны — гачи, чулки до колѣнъ и башмаки, за поясомъ — кинжалъ и пистолетъ, а черезъ плечо — ружье и винтовка; поверхъ всего — бѣлый плащъ. Женщины носятъ верхнюю темную одежду, юбку, передникъ, чулки и башмаки; а на головѣ платокъ; дѣвушки носятъ на головѣ красную феску, а сверхъ нея — бѣлый платокъ; по выходѣ замужъ снимается феска и этимъ наружнымъ признакомъ отличается женщина отъ дѣвушки.

Всѣ зубчане занимаются скотоводствомъ. Они съ давнихъ поръ пользовались нѣкоторою независимостью и общиннымъ самоуправленіемъ: народъ избиралъ самъ своихъ правителей, которыхъ утверждало турецкое правительство. Эти правители управляли селомъ, собирали съ народа „харачъ“ и передавали его туркамъ, которые ни во что не вмѣшивались.

Такъ жило это село до 1852 г., когда правителемъ въ Герцеговинѣ сталъ Омеръ-паша.

Правители зубцовъ всегда выбирались изъ рода Вукаловичей; они заслужили такое право у своихъ согражданъ честнымъ правленіемъ, горячимъ патріотизмомъ, воинственностью и настойчивостью. Народъ всегда признавалъ за ними наслѣдственное право на старѣйшинство и выбиралъ своего кнеза“, т. е. главнаго правителя, изъ рода Вукаловичей.

Изъ этого-то рода произошелъ знаменитый боецъ за свободу, главный воевода Герцеговины, Лука Вукаловичъ. Онъ родился въ Зубцахъ подъ самый день св. Луки 1823 года. Отецъ его, Лако, высокій, коренастый мужчина, съ высокимъ лбомъ, большими черными глазами, длинными бровями, отличался свободолюбіемъ, умомъ, постоянствомъ, мужествомъ. Онъ былъ правителемъ въ Зубцахъ. Женившись на природной зубчанкѣ, Анджелинѣ Джуричъ, видной, красивой и милой женщинѣ, онъ прижилъ съ нею троихъ сыновей: Луку, Іолу и Трифку, и двухъ дочерей: Іованну, выданную замужъ въ томъ же селѣ за Стаича, и Петрану, выданную за Ковачевича, въ деревню Грахово.

Лука съ братьями былъ пастухомъ овецъ, пока отца его чуть было не изгнали турки за выказанное имъ сопротивленіе противъ угнетеній. Въ этой борьбѣ Лако потерялъ пять братьевъ, а самъ долженъ былъ перейти за австрійскую границу и со всѣмъ семействомъ посе-

---

*) «Крстно имя»—спеціально сербскій праздникъ, представляющій по своему патріархальному колориту много привлекательныхъ сторонъ. какъ и другіе обычаи народнаго быта сербовъ. Это праздникъ не для ангела отдѣльнаго лица или главы семейства, а патрона (домачина) цѣлой задруги. Все, что лучшаго изъ кушаній можетъ состряпать задруга, готовится для празднованія этого дня, совершаемаго съ религіозными обрядами и съ освященія священника. Для угощенія гостей готовится особаго рода хлѣбъ — «крсник», имѣющій для задруги такое же священное значеніе, какъ, напримѣръ, у насъ коровай для молодой семьи.

литься на Джюржевой горѣ, близь Герцегъ-Нови. Тамъ онъ прожилъ четыре года, не переставая работать надъ пробужденіемъ Герцеговины и стараясь поднять народъ къ сверженію турецкаго ига; онъ всячески уговаривалъ герцеговинцевъ, и въ особенности своихъ зубчанъ, не подчиняться туркамъ, и скоро пришлось ему увидать первые плоды своихъ неустанныхъ трудовъ. Зубчане перестали признавать правителей, которыхъ, за отсутствіемъ Лаки, назначали турки. Въ 1839 г. движеніе приняло болѣе рѣшительный характеръ, и народъ сталъ требовать возвращенія прежняго правителя Зубцовъ, котораго турки не имѣли права выгонять. Ничего болѣе не оставалось туркамъ дѣлать, какъ послать къ Лаку Вукаловичу посольство—просить его вернуться въ свой домъ на свою родину, завѣряя его, что противъ него не будетъ сдѣлано ничего дурнаго.

Долго раздумывалъ Лако, потому что зналъ вѣроломство турокъ, но наконецъ отправился въ Зубцы.

Народъ радостно встрѣтилъ его и снова призналъ за своего начальника, что подтвердили и турки, послѣ чего народъ примирился съ своими кровными убійцами. Но старые обманщики-турки не успокоились: черезъ восемь дней по возвращеніи Лаки изъ Требинья, отправился въ Зубцы Ассанъ-бегъ-Ресульбеговичъ съ толпою турокъ и прямо направился къ правителю.

Явясь въ домъ Лаки, Ассанъ-бегъ сказалъ, что пришелъ требовать съ него именемъ царской власти денежную пеню въ 500 талеровъ за то, что онъ самовольно оставилъ Зубцы и перешелъ за австрійскую границу. Услыхавъ, на какой тонъ запѣли эти птицы, Лако понялъ, что долженъ будетъ выплатить имъ пеню. Не хотѣлось ему теперь затѣвать ссору съ турками: онъ зналъ, что народъ не готовъ къ отпору и, хорошо понимая, что Ассанъ-бегъ пришелъ съ намѣреніемъ раззорить зубчанъ, не хотѣлъ ради себя навлекать страданія на народъ. Рессульбеговичъ, зная мужество Лаки, дѣйствительно не надѣялся получить пеню безъ кровопролитія и привелъ съ собою толпу турокъ. Но Лако, скрѣпя сердце, выплатилъ всѣ 500 талеровъ, надѣясь, что настанетъ еще для него часъ кровавой расплаты. Недовольный такимъ благополунымъ исходомъ дѣла, Ресульбеговичъ отравилъ Лаку, боясь явнымъ умерщвленіемъ вызвать новое возстаніе, и этотъ храбрый воинъ, рѣдкій патріотъ, незабвенный правитель зубчанъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни.

Послѣ смерти Лаки, семья его осталась въ горькомъ сиротствѣ. Турки все у нихъ забрали и вдова Лаки, съ нѣсколькими дѣтьми, осталась одна на большой дорогѣ, безъ всякой помощи. Въ своемъ горестномъ положеніи Анджелина отправилась съ двумя сыновьями и дочерьми къ одному родственнику въ Боснію.

Старшаго сына, Луку, отличавшагося большой понятливостью и мужествомъ, она отдала въ ученіе къ оружейному мастеру Ристѣ Пиштелю въ Требиньѣ.

У этого мастера Лука провелъ пять лѣтъ и научился его ремеслу настолько, что могъ самъ заниматься самостоятельно. Къ концу ученья

ему было всего 20 лѣтъ. Здоровый, крѣпкій, понятливый и умный, этотъ красивый юноша возбуждалъ въ туркахъ сильную подозрительность своимъ сходствомъ съ отцомъ: они предчувствовали въ немъ будущаго врага. Это помѣшало ему найти какое-либо занятіе въ самомъ Требиньѣ, и онъ рѣшился уйти,—но куда? Молодой соколъ никогда не забываетъ вернуться въ свое родное гнѣздо; такъ сдѣлалъ и Лука. Подумавши хорошенько, онъ отблагодарилъ своего хозяина за его отеческія о немъ заботы и ученье и отправился въ Зубцы.

Вернувшись на родину, Лука не замедлилъ вызвать изъ Босніи свою мать, сестеръ и братьевъ, чтобъ и они зажили снова въ своихъ заброшенныхъ, но еще крѣпкихъ развалинахъ.

Когда зубчане услыхали о возвращеніи Луки въ ихъ селеніе, они собрались толпою привѣтствовать сына Лаки. При этомъ ихъ такъ поразило его сходство съ отцомъ, что они тутъ же порѣшили избрать его начальникомъ своего округа, хотя должность правителя и была уже уничтожена. Вся толпа единогласно закричала: „Да здравствуетъ нашъ начальникъ Лука!"

Лука благодарилъ народъ за оказываемую ему честь, но не рѣшался принять на себя такое бремя, ссылаясь на свою неопытность и молодость.

Между зубчанами могло найтись много почтенныхъ людей, болѣе способныхъ занимать столь важное мѣсто; онъ же и помимо того могъ служить народу, насколько хватитъ его способностей.

Но собравшіеся зубчане понуждали Луку принять „капитанство", утверждая, что не желаютъ никого, кромѣ него.

Видя общее желаніе, Лука принялъ такую честь и, обратясь къ народу, сказалъ, что предпочтетъ лучше погибнуть, чѣмъ дурно выполнить свою обязанность; что первою заботою его будетъ—защищать народъ отъ турецкихъ насилій и возстановить старый порядокъ, бывшій при его отцѣ, который турки успѣли уже самовольно измѣнить.

И вотъ Лука поселился въ своемъ домѣ, среди своего племени, занимаясь для прокормленія семьи оружейнымъ мастерствомъ. Но такъ какъ въ селѣ ему мало доставалось работы, то время отъ времени онъ хаживалъ за заказами въ Герцегъ-Нови.

Когда минуло ему 25 лѣтъ, онъ женился на черногоркѣ Станѣ Кривокапичъ. Вскорѣ послѣ того, онъ совсѣмъ переселился въ Герцегъ-Нови и занялся тамъ изготовленіемъ ружей.

Однако, какъ ни хорошо жилось ему въ этомъ городкѣ—за работой, въ обществѣ собравшихся вокругъ него друзей и пріятелей,— онъ не забывалъ родины и часто ходилъ въ Зубцы навѣщать своихъ односельчанъ и родственниковъ.

Съ своей стороны, Зубчане не рѣшали ни одного дѣла и не принимали ни одного посла, не позвавъ на совѣтъ своего начальника, и Лука съ радостью отзывался на всякое обращеніе къ нему народа, съ такою же готовностью, какъ бы самъ жилъ въ Зубцахъ.

Частыя отлучки туда заставляли его надолго запирать лавку, что, конечно, мѣшало его работѣ. Но если кто упрекалъ его за это, спра-

шивая: „для чего тратишь ты столько времени на Зубцы, не принося себѣ тѣмъ никакой пользы“? — Лука съ спокойною укоризною отвѣчалъ: „Кто работаетъ для народа, тотъ не тратитъ времени, а исполняетъ главную обязанность человѣка. Если работа моя и не идетъ такъ успѣшно, какъ я бы самъ того желалъ, то я надѣюсь, что она принесетъ мнѣ пользу современемъ. Народу же надо время отъ времени кое-что растолковывать и вразумлять его, чтобъ онъ съумѣлъ самъ возстать противъ своихъ притѣснителей и сбросить на земь своокова, когда мѣра страданій его преисполнится, или когда на то придетъ удобное время. Я за свой трудъ и потерю времени не требуя награды: мой долгъ — заботиться о благѣ того народа, котораго и членъ и глава“.

Въ такой неустанной работѣ для блага своего народа провелъ Лука нѣсколько лѣтъ, постоянно оберегая его отъ нападеній турокъ; не разъ послѣдніе покушались раззорить Зубцы, но проницательная бдительность Луки всегда умѣла отстранить бѣдствіе, грозившее Зубцамъ.

Все шло такимъ образомъ до 1852 г., когда Омеръ-паша сталъ отбирать у райи оружіе по всей Герцеговинѣ и Босніи.

Тогда Лука увидѣлъ, что сербы должны собственною кровью купить себѣ свободу.

Между тѣмъ, Омеръ-паша отобралъ оружіе по всей Босніи и дошелъ до Герцеговины, намѣреваясь и тамъ продолжать свои подвиги; но встрѣтилъ здѣсь энергичный отпоръ: народъ не хотѣлъ добровольно отдавать оружіе,—единственнаго средства для своей обороны. Въ это время Дервишъ-паша съ вооруженной силой напалъ на Грахово и захватилъ Якова Даковича, который не хотѣлъ выдать оружіе, а заперся въ своей хатѣ и въ продолженіи десяти дней отбивался отъ несоразмѣрно большей турецкой силы, которая впрочемъ такъ и не одолѣла его, а захватила обманомъ. Въ день Ивана Крестителя, 1852 года, Яковъ отдался туркамъ „на вѣру“; но турки нарушили уговоръ—раззорили Грахово, а Якова, съ его сыномъ Антономъ, отправили связанными въ Мостаръ и дорогою въ Долахъ, за Клобуцкими полями, умертвили его, подвергнувъ страшнымъ мукамъ. Хотя Омеръпаша и не отбиралъ еще оружія у Луки, но послѣдній ждалъ этого ежечасно, особенно послѣ того, какъ въ Требиньѣ Омеръ уже отдалъ приказъ отбирать оружіе у райи *). Нѣсколько требинцевъ, не желая отдавать оружіе, предпочли пожертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ и бѣжать въ горы, спасая тѣмъ свою жизнь и свободу: они знали, что сербу безъ оружія плохое житье между турками.

Но и при этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Лука не падалъ духомъ: онъ созвалъ зубчанъ на общее собраніе и объяснилъ имъ, къ чему стремятся турки, обезоруживая народъ. „Лучше всѣмъ намъ погибнуть,—сказалъ онъ,—нежели дать себя на поруганіе, выдавъ туркамъ наше оружіе—единственную надежду райи“. Въ отвѣтъ

*) Такъ называютъ въ Турціи православныхъ сельчанъ.

на эту рѣчь Луки народъ единодушно закричалъ: „Да, лучше всѣ погибнемъ, нежели, какъ бабы, безоружно отдадимся туркамъ!“

„Честь и слава вамъ, братья, отвѣчалъ радостно Лука, за такое рѣшеніе; такъ поступали всегда и отцы наши; стыдно намъ было бы измѣнить завѣту нашихъ предковъ. Воины родятся для того, чтобы жить и гибнуть на защиту своего народа и для примѣра своимъ потомкамъ; не допустимъ же, чтобы насъ прокляли потомки за то, что не съумѣли мы сохранить и той свободы, которую унаслѣдовали отъ отцовъ своихъ. Теперь, братья мои, я долженъ отправиться въ Герцегъ-Нови, чтобы посовѣтоваться съ нашими братьями новинцами и попросить у нихъ помощи на случай нужды. А пока я не вернусь, какъ зѣницу ока берегите, братья, гордость серба — оружіе. Если Омеръ-паша придетъ отбирать его, немедленно дайте мнѣ знать,—я тотчасъ же приду къ вамъ“.

Простившись такимъ образомъ съ своимъ народомъ, Лука отправился въ Герцегъ-Нови.

Въ тотъ же день изъ Требинья явился Лука Петковичъ, Вукаловичъ, замѣтивъ печаль на его лицѣ, сказалъ, улыбаясь:—„Добро пожаловать, Петковичъ! Нечего тебѣ разсказывать мнѣ, что тебя печалитъ—я это самъ хорошо знаю; но и то слава Богу, что ты самъ остался невредимъ“. Они поздоровались, и Петковичъ разсказалъ ему, какъ Омеръ-паша отбираетъ оружіе въ Требиньѣ и его окрестностяхъ и какъ самъ онъ съ нѣсколькими товарищами бѣжалъ оттуда, предпочитая сжечь все свое имущество, чѣмъ пережить такое униженіе. Оба они пробыли въ Герцегъ-Нови дня два-три и, окончивъ свои дѣла, вернулись вмѣстѣ въ Зубцы. Лука немедленно созвалъ снова общее собраніе, чтобы переговорить о томъ, что предпринять, когда Омеръ-паша явится въ ихъ край. Рѣшено было оружія не отдавать, а начать борьбу съ турками на жизнь и на смерть.

На этомъ же собраніи образовали нѣсколько сторожевыхъ отрядовъ для защиты отъ внезапнаго нападенія турокъ. Отряды эти существовали съ весны 1852 г. до осени 1857 г., и за все это время турки не покушались обезоруживать зубчанъ.

А у Луки между тѣмъ отрастали крылья. Много юнаковъ пришло изъ Герцеговины въ Зубцы на помощь своимъ братьямъ и усилили такимъ образомъ страну. Видя, что сила растетъ, Вукаловичъ рѣшился, по соглашеніи съ своими друзьями, пригласить на общій совѣтъ всѣхъ герцеговинскихъ начальниковъ на Бѣлую Гору въ Ястребицѣ, чтобы сговориться объ общемъ образѣ дѣйствій. Съ этою цѣлью онъ отправилъ къ нимъ знавшихъ ихъ всѣхъ Луку Петковича, чтобы тотъ, отъ имени Вукаловича, пригласилъ ихъ на общее собраніе.

Лука Петковичъ немедленно отправился въ Баньянъ и пригласилъ баньянскихъ начальниковъ Іована Бачовича и Драка Радова Милянича. Оттуда онъ въ тотъ же день отправился въ Пиву и призвалъ ея начальниковъ: священника Жарко Лешевича и Арсенія Гаговича, откуда перешелъ въ Дробняки, гдѣ начальниками были Милутинъ

Башовичъ, Милованъ Карадричъ и священникъ Милованъ Тома. Затѣмъ пригласилъ правителей изъ Шаранца: Зука Раичевича и Іосима Кнежевича; изъ Никшича: Ваську Озеринича и Саву Джурджевца; изъ Рудина: Вуку Алексича и Раду Бабича; изъ Гацка: извѣстнаго воина священника Богдана Зимовича и Тому Вукомановича, изъ Голія: Дуку Канкараша.

Всѣ эти начальники разныхъ округовъ съ радостью приняли приглашеніе Луки и собрались на Бѣлую Гору, повыше дома Вукаловича, въ сентябрѣ 1857 года.

Съ мѣсяцъ провели эти начальники на Бѣлой Горѣ, обсуждая всѣ обстоятельства и въ заключеніе порѣшили со всѣхъ сторонъ ударить на турокъ. Они поклялись, что каждый начнетъ дѣло съ своей стороны, какъ только услышитъ, что Лука уже началъ борьбу. Для ненарушимости этой клятвы, они закрѣпили ее побратимствомъ и принятіемъ причастія изъ одной чаши, давая взаимныя обѣщанія, что каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго будутъ жертвовать жизнью. На этомъ они разстались и разошлись по домамъ, чтобы приготовить свои округа къ тому часу, когда раздастся первый выстрѣлъ.

Вслѣдъ затѣмъ Вукаловичъ, вмѣстѣ съ Петковичемъ, отправился въ Цетинье, чтобы сообщить свои намѣренія о возстаніи противъ турокъ князю Даніилу и просить у него помощи.

Въ Цетиньѣ князь принялъ ихъ очень благосклонно, и Лука разсказалъ ему, что рѣшился поднять возстаніе въ Герцеговинѣ, такъ какъ самоуправства и несправедливости, терпимыя народомъ, превышали всякую мѣру; съ тѣхъ поръ, какъ они вынуждены были начать выдачу своего оружія, пришлось совсѣмъ пропадать, а турки все продолжаютъ начатое ими обезоруживанье. Князь Данило отвѣчалъ ему: „черногорцы не могутъ помочь тебѣ, такъ какъ они сами въ настоящую минуту находятся въ нуждѣ, а потому лучше было бы тебѣ оставить пока это дѣло, ибо райя теперь повсюду нуждается въ хлѣбѣ и оружіи, у турокъ же всего достаточно, и съ ними трудно будетъ бороться“.

„Господарь! — отвѣчалъ на это Лука. Турки дѣлаютъ намъ такъ много зла, что мы не можемъ переносить долѣе. Лучше же съ честью погибнемъ, чѣмъ продолжать такое постыдное существованіе!“

Видя его твердую рѣшимость возстать противъ турокъ, князь Данило сказалъ: — „Начинайте! желаю вамъ удачи. Я буду помогать вамъ, насколько буду въ силахъ“. Прощаясь съ Лукой, онъ подарилъ ему и Петковичу окованные въ серебро кинжалы.

Изъ Цетинья Лука вернулся въ Зубцы, собралъ народъ, разсказавъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла, и приказалъ всѣмъ быть на-готовѣ, такъ какъ онъ хочетъ немедленно сдѣлать нападеніе на турокъ.

Въ то же время онъ послалъ Петковича въ Шуму и Попово—возбуждать и тамъ народъ къ возстанію. Тамъ Петковичъ на скорую руку собралъ до 300 юнаковъ и въ ту же ночь вернулся съ ними въ Зубцы.

При видѣ такого отряда, Лука тотчасъ распустилъ свое знамя и призвалъ къ оружію Зубцы, Крушевицъ и Суторинъ; такимъ образомъ къ Николину дню 1857 года собралось до тысячи молодцовъ. На Николинъ день, Лука, взявъ 150 опытнѣйшихъ изъ нихъ, да еще 300 юнаковъ, приведенныхъ Петковичемъ, отправился съ ними къ монастырю Дужи, остальныхъ же воиновъ разставилъ около Требинья и Кореничей, чтобы слѣдили за дѣйствіями турокъ.

Въ тотъ самый часъ, когда Лука отправился къ монастырю, изъ Требинья выступилъ Хаджи-бегъ-Рессулбеговичъ съ турецкимъ отрядомъ и встрѣтился съ Лукою.

Этотъ первый открытый бой продолжался цѣлый день. Уже вечерѣло, когда Лука, потрясая саблей и взывая къ храбрости своихъ молодцовъ, съ новой энергіей набросился на враговъ. Турки смѣшались и бросились бѣжать, а Лука съ своею дружиною пустился въ погоню за ними и перебилъ всѣхъ, кто не успѣлъ скрыться за стѣнами Требинья. Такъ кончился бой и на ночлегъ Лука съ своей дружиной вернулся въ монастырь.

Въ это время Мича Либобратичъ изъ Требинской Шумы, учившійся въ Дубровникѣ, заслышавъ о томъ, что собратья его собираются на борьбу, немедленно оставилъ Дубровникъ и поспѣшилъ помогать имъ чѣмъ и какъ былъ способенъ. Вернувшись домой, онъ первымъ дѣломъ сжегъ свой домъ, для того, какъ объяснялъ онъ своему отцу, чтобы видѣлъ народъ, какъ мы хотимъ бороться съ турками. Затѣмъ онъ отправился въ монастырь Дужи, гдѣ находился Лука, и объявилъ ему о своемъ желаніи бороться съ турками. Лука принялъ его съ радостью и имѣлъ въ немъ впослѣдствіи одного изъ главныхъ помощниковъ, не мало послужившаго ему своимъ искуснымъ перомъ, а въ случаѣ нужды и храброю саблею.

Какъ только баньяне и рудиняне узнали, что Лука уже дрался съ турками, они тотчасъ собрались и ударили на турецкія казармы, находившіяся среди Баньянъ. Крѣпость сожгли, турокъ же побили.

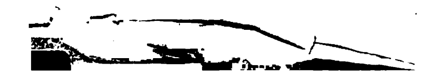
Въ то же время пивяне напали на крѣпость Царковицу, разрушили ее и порубили турокъ.

Дробничане и шаранчане сожгли башню на Езерѣ и выгнали изъ нея турокъ.

Гачане и голяне ударили на Кретацъ; разрушили въ немъ башню и избили турокъ.

Такимъ образомъ всѣ герцеговинскіе начальники округовъ остались вѣрны данной на Бѣлой Горѣ клятвѣ и, какъ только услышали о военныхъ дѣйствіяхъ Луки, ударили, каждый съ своей стороны, на турокъ, и возстаніе запылало по всей мѣстности отъ Тары до моря.

Послѣ Николина дня, Вукаловичъ съ своимъ войскомъ отправился на Шуму и Полево; возстаніе расло по пятамъ его и дошло уже до самаго Столца. Тутъ Лука второй разъ сцѣпился съ турками и далъ имъ на Полицѣ жестокій бой, въ которомъ онъ снова остался побѣдителемъ, а турки бѣжали, оставивъ на полѣ битвы многихъ раненыхъ и убитыхъ. Въ этой же битвѣ сербы захватили двухъ живыхъ

турокъ: начальника Столца Зуббовича и еще одного турка, выпросившаго себѣ пощаду.

Въ битвѣ на Полицѣ, Лукѣ помогали римско-католическіе священники, донъ Илья, Иванъ Буквичъ и Зеканъ Родичъ съ 1,500 сербами римско-католическаго вѣроисповѣданія. Имъ принадлежитъ не малая доля заслуги въ одержанной Лукою побѣдѣ, въ которой, безъ конницы и пушекъ, съ одними кинжалами въ голыхъ рукахъ, они одержали верхъ надъ регулярнымъ войскомъ съ конницею, вооруженнымъ штыками и пушками. Пусть же это геройство послужитъ примѣромъ другимъ донъ Иванамъ, чтобы не разъединяла насъ больше вѣроисповѣдная рознь.

Вслѣдъ за этимъ сраженіемъ, Лука ударилъ на Любинье и Засору, и тамъ также разбилъ турецкія силы. Эти побѣды навели такой ужасъ на турокъ, что они вездѣ бѣжали, гдѣ только ни появлялись его дружины. Это же счастливое начало дѣла подняло и всю Герцеговину; весь народъ сталъ на сторону Луки, уже далеко проникшаго въ глубь страны.

Когда князь Данило услышалъ, что Лука взбунтовалъ всю Герцеговину и дошелъ до главныхъ ея городовъ, онъ сталъ бояться, какъ бы Лука не пострадалъ заодно съ своимъ народомъ, такъ какъ теперь сильные турецкіе отряды легко могли нагрянуть и окружить дружину Луки, удалившуюся отъ своихъ горъ, гдѣ было гораздо выгоднѣе вести войну съ регулярнымъ войскомъ. Не будучи въ то время въ состояніи самъ помочь герцеговинцамъ, князь Данило послалъ къ Лукѣ трехъ воеводъ: Петра Вукотича, Джуру Матановича и Анта Даковича, да окружнаго старосту (сердаря) Пая Ковачевича, чтобы они уговорили Луку не подвигаться далѣе, а вернуться къ Зубцамъ.

Достигнувъ монастыря Дужи и боясь идти далѣе, воеводы послали за Лукою.

Онъ отправился къ нимъ немедленно въ сопровожденіи Петковича. Выслушавъ предложеніе князя, Лука отвѣчалъ: „какъ возможно перестать биться теперь, когда весь народъ взялся за оружіе? я думаю, что это было бы измѣною возставшему народу и вѣроломнымъ нарушеніемъ клятвы, данной нами на общемъ совѣтѣ въ Ястребицѣ. Да къ тому же не, грѣшно ли и не позорно ли оставлять теперь несчастный народъ беззащитнымъ?“

Но когда черногорскіе воеводы сообщили Лукѣ, что князь Данило не рѣшается нарушить запрещеніе турокъ чѣмъ-либо помогать герцеговинскому народу, тогда Лука долженъ былъ послѣдовать совѣту князя. Онъ вернулся съ своимъ войскомъ въ Зубцы и началъ уговаривать народъ смириться и не бояться турокъ, такъ какъ послѣдніе сами добивались мира и обѣщали своимъ возмутившимся подданнымъ возвратить самоуправленіе, какимъ пользовались сербы въ старину.

Народъ повиновался ему, хотя былъ очень удивленъ этой перемѣной, приведшей позднѣе къ немалымъ послѣдствіямъ.

Вукаловичъ отправился въ Зубцы, оставивъ Петковича съ 40 молодцами въ монастырѣ, чтобы вѣроломные турки не сожгли его; когда

же, спустя нѣсколько времени, все успокоилось, Петковичъ оставилъ монастырь и присоединился къ Вукаловичу.

Такимъ образомъ все затихло и оставалось спокойно до великихъ событій 1858 г. Въ это время по всей Герцеговинѣ разнесся слухъ, что изъ Стамбула выступило сильное войско въ 18,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ двухъ пашей, Ферикъ и Кадри-паши, которые сошлись подъ Клекомъ и подступили къ Требинью. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ уже турки, подъ предводительствомъ обоихъ пашей, неожиданно напали на Зубцы.

Увидѣлъ тогда Лука, что его обманули, да поздно было уже каяться: надо было спѣшить защищать село, и онъ наскоро призвалъ зубчанъ къ оружію. Но, узнавъ, какія огромныя силы подступили къ Зубцамъ, онъ ясно понялъ, что объ оборонѣ нечего было и думать, а потому онъ приказалъ всѣмъ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ бѣжать въ горы, захвативъ, что было можно изъ своего имущества, дома же свои зажечь, чтобъ они не послужили туркамъ пріютомъ.

Народъ немедленно исполнилъ приказанія Луки, и пока онъ съ своею дружиной храбро боролся противъ несравненно большей турецкой силы, всѣ дома уже были объяты пламенемъ. Кровавый, геройскій бой продолжался четыре дня. Видя, что не можетъ одолѣть турецкую силу, Лука отступилъ въ горы, чтобы дать вздохнуть своимъ молодцамъ. Въ этомъ сраженіи онъ потерялъ 63 товарища; но и туркамъ оно не обошлось даромъ, и у нихъ пало 520 человѣкъ и много было раненыхъ.

Когда бой пріостановился, турки взошли въ Зубцы и стали въ нихъ лагеремъ.

Увидя, что турки, занявъ село, начали копать въ немъ шанцы, Лука забылъ усталость и голодъ и, выбравъ 300 молодцевъ, раздѣлилъ ихъ на отряды и не давалъ туркамъ покою постоянными внезапными нападеніями.

Эти стычки продолжались безпрестанно, пока не явилась помощь изъ Черногоріи. Князь Данило, узнавъ, что турки заняли Зубцы и что Лука находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи, выслалъ ем уна помощь воеводу Иву Ракова Радонича съ 500 черногорцевъ и граховлянъ.

Съ этой братской подмогой Лука, кликнувъ своихъ соколовъ, какъ разъяренный левъ бросился на турокъ,—и начался кровавый бой на жизнь и на смерть.

Когда турки увидѣли, что Луку подкрѣпляетъ помощь изъ Черногоріи, когда почувствовали на себѣ всю неустрашимость его натиска,—они испугались, начали отступать и наконецъ, опозоренные и жалкіе, бѣжали къ Требинью, подъ защиту городскихъ пушекъ.

На томъ и кончился бой. Когда Лука вернулся на поле битвы, онъ нашелъ 1,523 турецкихъ трупа и много военныхъ припасовъ. Отъ всего сердца поблагодарилъ Лука воеводу Радонича за братскую помощь и просилъ передать горячую признательность его свѣтлости князю Данилѣ.

Давъ вздохнуть черногорцамъ, воевода Радоничъ отправился обратно въ Черногорію, въ воскресенье, подъ масляницу 1858 г., а Лука съ своей дружиной остался въ Зубцахъ.

Черезъ нѣсколько дней Лука Вукаловичъ съ Петковичемъ и остальной дружиной отправился въ Суторинъ и напалъ на отрядъ арнаутовъ, сторожившихъ турецкую башню въ Суторинѣ. Послѣ кратковременнаго отпора, турки покинули башню и бѣжали за австрійскую границу, а дружина Луки сожгла башню, чтобы туркамъ негдѣ было укрыться. Такимъ образомъ очищенный отъ турокъ Суторинъ перешелъ подъ управленіе Луки.

Послѣ этихъ стычекъ турки оставили Луку въ покоѣ до Джyyджева (Георгіева) дня 1858 года.

Въ Георгіевъ день, паши Ферикъ и Кадри, собравъ снова все войско Босніи и Герцеговины, выступили изъ Требинья на Бильезу, а оттуда со всѣми силами ударили на Грахово.

Услыхавъ объ этихъ непрошенныхъ гостяхъ, баньане, граховляне и рудиняне немедленно собрались и выступили имъ на встрѣчу. Но послѣдовавшій затѣмъ бой былъ для нихъ несчастливъ: они не были въ силахъ одолѣть турокъ, которые заняли Грахово и утвердились въ немъ.

Видя свое безсиліе, герцеговинскіе начальники уговорились послать пѣшаго вѣстника, посла, въ Цетинье, чтобы дать знать князю Даніилу о занятіи турками Грахова и просить помощи противъ многочисленнаго турецкаго войска, заключавшаго въ себѣ 12,000 опытнѣйшихъ воиновъ и 10,000 жестокихъ пограничныхъ жителей: арнаутовъ, босняковъ и герцеговинцевъ; притомъ войско снабжено было хорошими военными запасами и большой казной; безъ княжеской помощи герцеговинскимъ сербамъ нельзя было ихъ одолѣть.

Узнавъ и пораздумавъ о всемъ случившемся, князь выслалъ на помощь герцеговинцамъ своего брата воеводу Мирка со всей мѣстной милиціей. Когда Мирко съ своими удалыми молодцами пришелъ въ Грахово, онъ соединился со всѣми нечальниками возставшихъ округовъ и, окруживъ непріятельское войско, ударилъ на турокъ, во вторникъ, передъ Спасомъ. Бой продолжался съ разсвѣта до глубокой ночи; въ этотъ день погибло 305 герцеговинцевъ и черногорцевъ и 4,392 турка.

На слѣдующій день, утромъ, изъ Скадра прибылъ французскій консулъ Деларю. Видя, что турки попали въ довольно безвыходное положеніе, онъ вступилъ въ переговоры съ Миркомъ и герцеговинскими воеводами о томъ, чтобы они перестали биться; онъ обѣщалъ употребить всѣ силы на то, чтобы турки обязались исполнить всѣ справедливыя требованія райи.

Консулъ хотѣлъ ослѣпить этими обѣщаніями воеводъ и выручить турокъ изъ бѣды; поэтому, ему совсѣмъ не по сердцу пришлась рѣчь, съ которою Лука обратился къ своему народу: „Бѣдные братья мои! говорилъ онъ; развѣ вы не видите, что этотъ французъ хочетъ обмануть васъ и выручить турокъ. Развѣ вы не видите, что все это

дѣлается на нашу же погибель, чтобы мы, теряя время въ пустыхъ переговорахъ, дали возможность туркамъ оправиться отъ вчерашняго пораженія и приготовиться къ сильному отпору. А потому, друзья мои, если мы истинные сербы, не трусы и не измѣнники, то оставимъ безъ вниманія этого француза, а пока есть еще время и не поздно, приготовимся съ раннею зарею броситься на нашихъ враговъ“.

Всѣ начальники присоединились къ мнѣнію Луки и прекратили всякіе переговоры съ консулами (на этотъ разъ къ французскому консулу присоединились представители и другихъ державъ).

На самый Спасовъ день, утромъ, пришло извѣстіе, что на помощь туркамъ идетъ изъ Требинья Хаджи-бегъ-Ресульбеговичъ съ 5,000 турковъ. Тогда всѣ воеводы поняли, куда клонились предложенія консула: на скорую руку собрали они 500 лучшихъ воиновъ и, подъ предводительствомъ Драга Обренова Ковачевича изъ Грахова, выслали ихъ навстрѣчу турецкому подкрѣпленію.

Ковачевичъ съ своимъ отрядомъ встрѣтился съ Ресульбеговичемъ на Долахъ, подъ Клобукомъ, и тутъ же съ нимъ сразился.

Въ то же время черногорцы и герцеговинцы бросились на турокъ, сидѣвшихъ въ Граховѣ. Послѣ непродолжительнаго отпора, турки стали ослабѣвать и отступать, сербы же съ удвоенною энергіей набросились на турецкія укрѣпленія. Тутъ все пришло въ безпорядокъ: турки смѣшались съ сербами и началась страшная рѣзня. Когда же самъ Ферикъ-паша погибъ отъ руки Стефана Коиреевича изъ Баньана, ужасъ обуялъ Кадри-пашу, онъ бросился бѣжать, и съ небольшимъ остаткомъ своего войска скрылся въ Клобукѣ; всѣ же остальные погибли на полѣ битвы, на которомъ лежало около 15,000 турокъ; однихъ мушкетовъ осталось въ Граховѣ до 12,000, да 8,000 другихъ ружей. Герцеговинцевъ и черногорцевъ погибло лишь 450.

По окончаніи битвы, Мирко вернулъ свои войска изъ Клобука, которыя гнались за турками до самаго города и, несмотря на просьбы герцеговинскихъ воеводъ, убѣждавшихъ идти прямо на Мостаръ, онъ собралъ своихъ черногорцевъ, такъ-какъ не имѣлъ дальнѣйшихъ предписаній отъ князя, и отправился съ ними обратно въ Черногорію.

Вукаловичъ съ своей дружиной ударилъ на Кореничи и все сжегъ до рѣки Требишницы, чтобы турки снова не заняли этихъ мѣстъ. Тутъ всѣ начальники братски распрощались и каждый отправился на свою сторону готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ съ турками, надѣясь, что князь Данило скоро самъ позоветъ ихъ на войну, такъ какъ имъ хорошо извѣстны были его намѣренія.

Между тѣмъ турки совсѣмъ упали духомъ и ждали, что послѣ такой неслыханной побѣды, вся райя возстанетъ поголовно. Но коварная дипломатія съумѣла отстранить грозящую имъ гибель и повернуть все дѣло иначе. Богъ знаетъ скоро-ли для Сербіи снова заблеститъ такая свѣтлая заря и настанетъ такое время, какое было для нея послѣ пораженія турокъ на Граховицѣ! Да послужитъ это хорошимъ примѣромъ для сербовъ въ будущемъ и пусть не даютъ они

себя успокоивать сладкими обѣщаніями: свободу можно получить лишь при посредствѣ меча!

Единственнымъ слѣдствіемъ граховицкой побѣды было присоединеніе Граховицы къ Черногоріи и возстановленіе прежняго самоуправленія Герцеговины, и то не надолго, какъ мы это увидимъ дальше. Съ этого времени Лука оставался въ Зубцахъ и Суторинѣ до 1860 года, когда турки установили съ Черногоріей какой-то „постоянный миръ", къ которому долженъ былъ пристать и Лука.

Пока длился этотъ миръ, или скорѣе перемиріе, Лука оставался въ Цетиньѣ, такъ какъ князь Данило, зная его воинственность, боялся отпускать его въ Зубцы.

Черезъ годъ не стало князя Данила, а у турокъ стали снова отростать крылья и снова принялись они угнетать народъ и отнимать у него ту долю свободы, которой онъ добился цѣною своей пролитой крови. Все время перемирія турки обратили въ свою пользу и приготовились на дальнѣйшую борьбу съ Герцеговиною: даже башню въ Суторинѣ укрѣпили, а также и то мѣсто, гдѣ была старинная православная церковь Преображенія. Укрѣпившись такимъ образомъ, турки снова начали нападать на Баньянъ, Зубцы и другіе края Герцеговины.

Лука, какъ только услышалъ, что турки снова принялись за старыя штуки, отправился изъ Цетинья въ Зубцы, въ февралѣ 1861 г., и немедленно собравъ нѣсколько молодцевъ, отправился съ ними противъ турокъ. Взойдя въ Суторинъ, онъ предложилъ туркамъ очистить это мѣсто; но тѣ отказались и, запершись въ своей башнѣ, начали стрѣлять.

Видя, что турки не желаютъ уступить, Лука отдалъ приказъ брать башню приступомъ. Но турки не испугались; у Луки же не было пушекъ, чтобы разбить башню. Скоро, впрочемъ, онъ досталъ себѣ нѣсколько черешневыхъ пушекъ и съ ними попробовалъ начать осаду, но ничего не могъ подѣлать противъ твердаго камня, изъ котораго построена была башня. Тогда онъ отправилъ Луку Петковича доставать желѣзныя пушки въ Бокѣ. Не мѣшаетъ при этомъ сказать, что въ старое время бокезцы держали пушки на своихъ корабляхъ, для обороны отъ морскихъ разбойниковъ; когда же корабли были уничтожены, бокезцы поставили эти пушки около своихъ домовъ; до сихъ поръ можно замѣтить передъ домами у Бокезскаго залива пушки различной величины.

Петковичъ отправился въ Доброту и нашелъ тамъ двѣ пушки; скрывъ ихъ ночью въ челнокѣ, онъ привезъ ихъ въ Суторинъ.

Лука сталъ немедленно бить ими стѣны башни. Вдругъ до него дошелъ слухъ изъ Зубцовъ, что Дервишъ-паша съ 6,000 регулярнаго войска ударилъ на Зубцы. Лука сейчасъ же послалъ сказать зубчанамъ, чтобъ они забирали все свое добро и шли въ горы, во избѣжаніе турецкаго плѣна, а у кого найдется хорошее оружіе, пусть защищается, пока онъ самъ къ нимъ не придетъ. А главное, пусть слѣдитъ, чтобы турки не прошли въ Суторину.

Въ то же время, подъ Ньевицею, напротивъ Суторина, появился Целади-паша съ военнымъ турецкимъ пароходомъ и сталъ громить своими пушками Луку и его войско. Положительно непонятно, какъ могла Австрія дозволить туркамъ устроивать битву на ея морѣ, подъ самыми ея городами и крѣпостями. Впрочемъ ядра Целади-паши не вредили Лукѣ, хотя каждое изъ нихъ вѣсило 12 окъ (27 фунтовъ), а потому Лука не боялся опасности съ моря; но его смущалъ слухъ о Мехмедѣ-пашѣ, который направлялся къ Суторину австрійскими землями, мимо Конавли.

Лука уже не на шутку пугался, видя, какъ турки обступали его со всѣхъ сторонъ. Къ этому присоединились огорчавшія его несогласія между своими же братьями: крушевичане хотѣли идти на помощь зубчанамъ, а между послѣдними обнаружился измѣнникъ Михаилъ Спаичъ.

Но при всемъ томъ Лука не падалъ духомъ; онъ быстро сообразилъ, что около границы живутъ братья-сербы, которые не откажутся помочь ему въ нуждѣ, и отправилъ пословъ въ Каттарскую область съ воззваніемъ къ ея жителямъ: „Кто истинный сербъ, пусть идетъ на защиту Креста святаго, который такъ безжалостно преслѣдуютъ и защищать который, не далѣе какъ завтра, уже будетъ некому, если не придутъ наши братья помочь намъ".

Въ то же время, чтобы задержать Мехмедъ-пашу, пока не соберутся вокругъ Луки призываемые помощники, онъ выслалъ на встрѣчу пашѣ Луку Петковича.

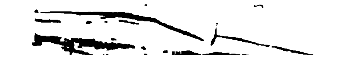
Петковичъ взялъ съ собою двухъ суторинскихъ начальниковъ—Николу Дерича и Спира Лучича и, попросивъ ихъ никому не говорить, что онъ самъ не изъ Суторина, отправился съ ними на Дебелый берегъ, встрѣчать пашу и его войско.

Петковичу удалось снискать такое довѣріе у турокъ, что онъ добился возможности говорить съ Мехмедъ-пашею, выславшимъ къ нему двухъ своихъ офицеровъ. „Чего желаетъ райя?" — спросили они. — Петковичъ отвѣчалъ: „Мы, начальники Суторина, покорная райя твоей свѣтлости, пришли просить Мехмедъ-пашу, чтобы ты не входилъ съ войскомъ въ Суторинъ; вся райя суторинская такъ испугалась твоего войска, что перебѣжала за австрійскую границу и не хочетъ возвращаться. Мы, суторяне, никогда не измѣняли царю, и не измѣнили бы и на этотъ разъ, если бы насъ къ тому не принудилъ силою Вукаловичъ; мы пришли просить тебя подождать дня три, пока мы не вернемъ въ Суторинъ всю райю".

Мехмедъ-паша никакъ не ожидалъ, что ему удастся овладѣть Суториномъ, не проливши ни одной капли крови, и получить такимъ легкимъ способомъ убѣжище, изъ котораго онъ могъ продолжать борьбу съ Герцеговиною. Онъ отпустилъ Петковича и его товарищей съ тѣмъ, чтобы они усмирили народъ и призвали его въ Суторинъ.

Петковичъ вернулся и, не доходя Суторина, встрѣтилъ Вукаловича съ 600 катарцевъ, идущими на встрѣчу Мехмеду.

Понялъ Мехмедъ-паша, что его обманули, когда увидѣлъ прибли-

жающагося Вукаловича и отъ страху безъ боя бѣжалъ къ Дубровнику. Видя это бѣгство, Лука повернулъ назадъ и ударилъ на суторинскую башню.

Послѣ краткаго боя Вукаловичъ съ 600 бокезцевъ и 800 герцеговинцами (остальныхъ отправилъ въ Зубцы) взялъ башню штурмомъ и прогналъ турокъ изъ Суторина. Петковичъ первый схватилъ турецкое знамя и сбросилъ его на землю. Въ этой башнѣ Вукаловичъ нашелъ 24 сундука пороку и 25 мѣшковъ сухарей, которые онъ и раздѣлилъ между своими воинами.

Башню они сожгли, а взятыхъ въ плѣнъ турокъ отправили на австрійскую границу.

Около этого времени къ Лукѣ пришелъ изъ Баната Михаилъ Зега, отважный и ученый человѣкъ, бывшій правою рукою у Вукаловича, одинаково хорошо умѣвшій послужить ему и саблей и перомъ. Изъ Срема пришелъ къ Лукѣ Миланъ Лалашевичъ, умный юноша, котораго Лука любилъ какъ сына, но которому скоро суждено было печальнымъ образомъ погибнуть. Однажды ночью, онъ отправлялся, съ караульнымъ отрядомъ, зажечь турецкую башню въ Зубцахъ; время было дождливое и огонь никакъ не могъ разгорѣться. Миланъ подошелъ раздуть огонь, а турецкій стражъ замѣтилъ его и выстрѣлилъ. Пуля попала Милану подъ правое плечо и разорвала ему мускулъ. Друзья подняли его и унесли, чтобы турки не отсѣкли раненому голову; черезъ нѣсколько времени этотъ милый юноша умеръ отъ своей раны; похоронили его въ Зубцахъ, въ церкви св. Прасковьи. Съ Миланомъ же погибъ и гарибальдіецъ-итальянецъ Роде Деведери.

Покончивъ съ Суториномъ, Лука отправился въ Зубцы, оставивъ въ Суторинѣ стражу противъ внезапнаго нападенія турокъ.

Въ Зубцахъ Лука нашелъ около 1,000 молодцовъ, готовыхъ броситься на турокъ, стоявшихъ лагеремъ между Тулей и Турмекатомъ. Лука разсказалъ своимъ воинамъ, какъ онъ взялъ турецкую башню въ Суторинѣ, какъ прогналъ Мехмедъ-пашу изъ Конавли. Эти разсказы значительно подняли духъ его слушателей, особливо такіе его слова: „Хотя турокъ и много, но Богъ всесиленъ и поможетъ намъ бороться за его честной крестъ и за золотую свободу“.

Раздѣливъ свое войско на отряды, Лука ударилъ на Дервишъ-пашу около полудня 24-го февраля 1861 года. Бой продолжался до глубокой ночи. Турки почувствовали себя такими слабыми, что не осмѣлились ночевать въ Зубцахъ и ночью же отступили къ Требинью. Замѣтивъ ихъ отступленіе, Лука созвалъ своихъ молодцовъ и бросился съ ними догонять турокъ, которыхъ и преслѣдовалъ, пока они не скрылись за стѣнами Требинья. Оставивъ тутъ сторожевой отрядъ, Лука вернулся въ Зубцы. При этомъ сраженіи, Лука отнялъ у турокъ 300 возовъ. Дервишъ-паша потерялъ 626 чел., много было и раненыхъ, которыхъ перенесли въ Требинье. У Луки было 24 убитыхъ и 20 раненыхъ.

Въ это же время, Сарошъ-паша, изъ тайнаго своего убѣжища въ Гацко, ударилъ на Берушицу, измѣною схватилъ и изрубилъ девяте-

рыхъ братьевъ Гргуревичъ, которые даже и не участвовали въ возстаніи; затѣмъ обратился черезъ Сеницу на Скадаръ. Когда до Луки дошло извѣстіе, что Сарошъ-паша намѣревается идти черезъ Суторинъ на Дубровникъ, онъ на-скоро собралъ нѣсколько молодцовъ и выслалъ въ Суторинъ, чтобы дожидаться прихода паши и извѣстить о немъ друзей.

Но самъ паша не направился этимъ путемъ, а отправилъ имъ лишь своихъ солдатъ съ австрійскимъ подкрѣпленіемъ и лошадьми. Отрядъ Луки дождался ихъ, отнялъ лошадей, а войска австрійскія и турецкія обратилъ въ бѣгство.

Извѣстіе объ этой неудачѣ очень раздосадовало Австрію, желавшую прислужиться Стамбулу; немедленно приказано было генералу Гавру Родичу, находившемуся въ то время въ Дубровникѣ, собрать отборное войско и ударить противъ Луки на Суторинъ.

Собравъ войско и снабдивъ его военными припасами, Родичъ отправился изъ Дубровника на Суторинъ, черезъ Конавлю.

Дойдя до Суторина и увѣрившись, что тамъ одни старики и дѣти, Родичъ отправилъ отдѣльный передовой отрядъ на берегъ повыше Суторина, чтобы разрушить сторожевыя укрѣпленія, на которыхъ развѣвалось сербское знамя. Но какъ только воины его взошли на берегъ, Видо-Катичъ, охранявшій эти укрѣпленія, снялъ знамя и скрылся, чтобы непріятельское войско его и не видало.

Такимъ образомъ австрійскія войска безъ всякаго кровопролитія овладѣли „укрѣпленіями“, сравняли ихъ съ землею и взяли двѣ желѣзныя пушки, которыми Лука защищался отъ турокъ.

Въ то самое время, когда Родичъ разбивалъ укрѣпленія Луки, самъ Лука выдерживалъ кровавый бой съ Дервишъ-пашею въ Зубцахъ. Богъ и счастье были на его сторонѣ: онъ снова остался побѣдителемъ и загналъ пашу въ Требинье въ то самое время, когда до него дошло извѣстіе, что Родичъ взялъ его пушки. Забывъ усталость и труды, только-что перенесенные имъ, онъ съ нѣсколькими отборными молодцами поспѣшилъ къ Родичу—поздравить его съ побѣдой. Между тѣмъ, черезъ консула, онъ обратился къ гарантирующимъ державамъ съ протестомъ противъ такого нарушенія пограничныхъ отношеній. Но „воронъ ворону глазъ не клюетъ“; слабому всегда приходится быть обиженнымъ!

Нѣсколько дней спустя, Дервишъ-паша увелъ свое войско къ Гацку, а въ Требиньѣ оставилъ лишь сторожевой отрядъ.

Узнавъ, что турки оставили Требинье и не намѣревались съ нимъ биться, Лука отправилъ войско, а впередъ его послалъ Петковича, Любобратича и брата своего Іолу въ Шуму и Попово, возбуждать народъ къ возстанію.

Іола прошелъ съ своимъ отрядомъ по австрійской границѣ, по Шумѣ и Попову, и народъ повсюду возставалъ во имя всеобщаго освобожденія.

Войско Луки расположилось лагеремъ около Завали, подъ монастыремъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ турки постоянно производили напа-

денія. Здѣсь прекраснымъ помощникомъ для нихъ являлся монахъ, впослѣдствіи архимандритъ и ученый писатель, Никифоръ Дучичъ, отлично знавшій эту мѣстность.

Видя, что силою ничего не подѣлаешь противъ Луки, турки, лѣтомъ 1861 г., выслали Омеръ-пашу въ Герцеговину, чтобы попытаться придти къ соглашенію съ нимъ посредствомъ мирныхъ переговоровъ.

Омеръ-паша отправился въ Баръ и началъ переговоры съ Черногоріей, зная про тайную помощь, оказываемую ею герцеговинцамъ. Но ни до чего съ нею не договорившись, онъ рѣшился обратиться прямо къ герцеговинскимъ вождямъ. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ „европейской коммиссіей" на пароходѣ „Синопъ" въ Герцегъ-Нови, около Суторина, и пригласилъ на собраніе Луку и другихъ герцеговинскихъ начальниковъ. Но боясь измѣны, Лука отказался взойти на пароходъ, а предлагалъ пашѣ сойти на землю, если онъ имѣетъ о чемъ съ нимъ переговорить, если же паша опасается сойти въ Сутринѣ, то пусть назначаетъ свиданіе въ Герцегъ-Нови. Омеръ не согласился и послалъ консульство уговорить Луку придти къ нему на пароходъ. Но на всѣ уговоры консуловъ, прибывшихъ въ Суторинъ, Лука отвѣчалъ: „Если пашѣ не тяжело было пріѣхать въ Суторинъ изъ самаго Цареграда, то уже не трудно ему и на берегъ выйти. Я же очень не довѣряю морю: боюсь утонуть". Видя, что дальнѣйшіе уговоры напрасны, консулы вернулись ни съ чѣмъ назадъ къ Омеръ-пашѣ.

Видя упорство Луки и убѣдившись, что не усмиривъ прежде Черногорію трудно будетъ усмирить Герцеговину, — Омеръ отправился въ Клекъ. А чтобы скорѣе склонить князя къ миру, Омеръ-паша собралъ сильное войско, окружившее Черногорію въ августѣ 1861 г. Но и на этотъ разъ обѣ стороны не пришли ни къ какому соглашенію. Напрасно пріѣхалъ изъ Цареграда самый искусный дипломатъ, Фуадъ-паша, переговоры не привели ни къ чему. Тогда турки рѣшились снова приняться за военныя дѣйствія.

23-го августа, Али, Дервишъ и Мехмедъ-паши направились черезъ Баньянъ и Кореничу въ Требинье, а отсюда съ 7,000 солдатъ пошли на Зубцы, пожгли селенія Орашье, Турментъ, Подкрай и Буково, и изрубили находившихся въ селахъ дѣтей и стариковъ, такъ какъ все остальное населеніе успѣло скрыться въ горы.

Лука былъ въ Суторинѣ. Когда до него дошло это извѣстіе, злоба и жалость закипѣли въ его сердцѣ; онъ отправилъ нѣсколько молодцовъ въ Зубцы. Но пока они дошли до нихъ, турки отступили къ Требинью. Тогда Лука отправилъ къ Дервишъ-пашѣ письмо слѣдующаго содержанія: „Слушай ты, потурченокъ Дервишъ! Подкрадываясь, какъ жалкій трусъ или мошенникъ, ты пробрался въ мои Зубцы, порасхитилъ женскіе фартуки и кудель, поубивалъ людей, которыхъ не тронетъ ни одинъ честный солдатъ—безпомощныхъ стариковъ и невинныхъ дѣтей; если бы, несмотря на все это, родила тебя мать воиномъ, то почему же не остался ты подождать меня въ Зубцахъ, а съ невиданной еще на свѣтѣ трусостью уклонился отъ честной

борьбы? Если ты юнакъ, то выходи немедленно изъ города: на открытомъ полѣ мы встрѣтимся съ тобой!" Но Дервишъ-паша нашелъ болѣе благоразумнымъ помедлить отвѣтомъ и, оставаясь въ городѣ, распивать турецкій кофе.

Тогда Лука съ 200 молодцовъ отправился въ село Леково и развалилъ башню, которую турки воздвигли, чтобы лучше держать въ рукахъ край.

Вдругъ, 13-го октября, на него, какъ снѣгъ на голову, ударилъ Мехмедъ-паша съ 1,000 солдатъ. Лука даже обрадовался при видѣ турокъ и, крикнувъ своимъ удалымъ соколамъ: „впередъ ребята! отомстимъ за Зубцы!"—съ обнаженною саблею полетѣлъ на турокъ, а за нимъ и вся его дружина. Въ одинъ всего часъ Лука успѣлъ разбить непріятеля наголову: два начальника отрядовъ были убиты, у Мустафъ-бея отнято знамя; ранеными и убитыми турками покрылось все поле. Такъ-то Лука мстилъ за свои Зубцы! Но турки все же продолжали борьбу и, чтобы загладить свое пораженіе, съ еще большей силой, 18-го октября, ударили на Леково. Начался жестокій бой: взять верхъ не удавалось ни туркамъ, ни сербамъ; они боролись какъ двѣ равныя силы. Но вдругъ, въ томѣ мѣстѣ, гдѣ кипѣла самая страшная битва, показался Лука съ обнаженной саблей; онъ громко ободрялъ своихъ ребятъ: „гей, соколы, не поддаваться! кто юнакъ и сербъ, пусть борется за вѣру и свободу сербскую!" Услышавъ кликъ его, вся дружина съ удвоенной отвагой кинулась въ средину турокъ и разстроила ихъ ряды. Турки бѣжали къ Требинью, Лука же остался на мѣстѣ сраженія праздновать свою побѣду. Въ этомъ сраженіи, между многими другими турками, палъ и предводитель ихъ, Алія Кедричъ, котораго турки считали непобѣдимымъ. Его убилъ Сава Спаичъ.

Послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ Лука завладѣлъ всею мѣстностью между австрійскою границею и рѣкою Требишница; туркамъ закрытъ былъ ходъ съ моря у Клека и у Суторина; на сушѣ передовая сторожевая линія Луки растянулась отъ рѣки Неретвы и города Габеля до г. Конскаго.

Во все время войны въ ополченіи Луки находилось до 400 сербовъ-католиковъ, подъ предводительствомъ своего приходскаго священника донъ-Ильи, пріобрѣвшаго во всѣхъ предъидущихъ битвахъ славу перваго воина.

Не мало искусства выказалъ Лука въ умѣньи расположить въ свою пользу сербовъ-католиковъ, всегда отказывавшихся даже отъ имени сербовъ и охотнѣе дружившихъ съ турками, нежели съ своими братьями сербами. Конечно, простой народъ нечего винить,—виноваты въ томъ католическіе священники, насильно отвращающіе ихъ отъ родныхъ братьевъ и сближающіе ихъ съ турками. Но пусть же народъ постарается хорошенько узнать своихъ священниковъ и монаховъ и пусть сплотится съ остальными братьями своими,—иначе для него никогда не засіяетъ заря освобожденія. Многіе изъ этихъ священниковъ осуждали дона-Илью: ужъ не за то ли, что вѣроиспо-

вѣданіе не помѣшало ему бороться вмѣстѣ съ родными братьями противъ общаго врага ихъ вѣры и приносить общія жертвы ради сербской свободы? Дай Богъ, чтобы мы тысячами могли насчитывать такихъ образцовыхъ священниковъ.

Послѣ пораженія турокъ при Леково, Лука занялся организаціей своего войска; онъ зналъ, что турки надолго оставятъ его въ покоѣ.

Дѣйствительно, турки сидѣли безъ дѣла въ городѣ и какъ будто притихли, но Лука хорошо зналъ, что это затишье передъ грозой, которая и незамедлила разразиться; поэтому онъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы какъ можно лучше устроить свое войско.

Дѣйствительно, миръ продолжался недолго. Уже великимъ постомъ 1862 г. турки со всѣхъ сторонъ бросились на Черногорію и на возставшія земли.

Селимъ и Усеинъ-паши ударили на Васоевичи, но неудачно: они были разбиты поджидавшимъ ихъ тутъ славнымъ героемъ, воеводою Мильяномъ. Селимъ-паша погибъ въ битвѣ, а Усеинъ бѣжалъ.

Въ то же время, Дервишъ и Селимъ паши, съ 30,000 солдатъ, ударили на Гацко; они семь разъ пытались пройти черезъ Дугу и провезти провіантъ въ Никшичъ; но ихъ не допустили до этого воевода Петръ Вукотичъ съ герцеговинцами. Видя, что попытки стоютъ черезчуръ дорого, паши повернули свои войска черезъ Баньянъ къ горамъ Киты, около Никшича.

Сербы поздно поняли это движеніе, а потому не успѣли пресѣчь дорогу туркамъ; но они пришли въ тотъ же день биться съ ними около Никшича. Изъ Дуги подоспѣлъ воевода Вукотичъ и открылъ бой, продолжавшійся цѣлый день; но въ концѣ концовъ Дервишъ-паша таки вошелъ въ Никшичъ и доставилъ тута провіантъ. Въ этомъ бою погибъ Сали-паша отъ руки Дайо Мирковича изъ Баньяна.

Давъ войску отдохнуть, Дервишъ-паша направился далѣе и дошелъ до Брда; тамъ всѣ паши соединились, и съ многочисленнымъ воискомъ, подъ главнымъ начальствомъ Омеръ-паши, послѣ кровавыхъ и тяжкихъ битвъ, пробрались къ Рѣкѣ, въ Черногоріи.

Тѣмъ временемъ, Лука не переставалъ сражаться подъ Требиньемъ съ Мехмедъ-пашею, который дѣлалъ частыя вылазки изъ города и нападалъ на Зубцы.

Между тѣмъ, сербовъ звалъ къ себѣ князь Данило, чтобъ отбить турокъ отъ Рѣки. Многіе сосѣдніе сербы охотно явились на помощь своимъ братьямъ-черногорцамъ. Даже Лука, хотя и находился самъ въ бѣдственномъ положеніи, имѣя всего 400 юнаковъ, отрядилъ 100 изъ нихъ на помощь братьямъ, подъ предводительствомъ Луки Петковича.

Потоками лилась кровь у Рѣки, пока такое положеніе дѣлъ не стало невыносимо для обѣихъ сторонъ: въ день Спаса 1862 года заключенъ былъ миръ. Въ то же время и Лука склонился на перемиріе съ турками и отправился съ Петковичемъ и Любобратичемъ въ Дубровникъ договариваться объ условіяхъ мира съ Курдишъ-пашею, который былъ нарочно для того присланъ изъ Цареграда.

Въ первомъ же свиданіи съ Курдишъ-пашею, Вукаловичъ далъ ему понять, что не согласится на миръ, пока Турція не дастъ самоуправленія всей возставшей странѣ, отъ рѣки Тары до берега моря около Суторина. Кромѣ того, онъ хотѣлъ, чтобы ему разрѣшили, для соблюденія порядка, содержать во всей странѣ 500 пандуровъ, и чтобы турки платили каждому пандуру по дукату въ мѣсяцъ и по оку хлѣба на день. Турецкое правительство не должно было ни во что вмѣшиваться; народъ не обязанъ былъ признавать своими господами никакихъ ни бега, ни агу, а тѣмъ менѣе обязанъ былъ отбывать на нихъ барщину. Государственные налоги (по дукату съ хаты) Лука будетъ самъ собирать, вмѣстѣ съ начальниками округовъ, и будетъ отдавать деньги пашѣ, равно какъ и поголовную подать; не мѣшало бы впрочемъ пріостановить на нѣсколько лѣтъ сборъ этой подати, такъ какъ народъ разоренъ и едва ли въ состояніи ее выплатить.

Куршидъ-пашѣ оставалось только принять условія Луки и провозгласить его самого „бимибашею“ въ Герцеговинѣ. Лука впрочемъ никогда себя такъ не называлъ.

Спустя нѣсколько времени, въ сентябрѣ 1863 г., въ Мостаръ собрались турецкіе паши и визири, и пригласили Вукаловича, чтобы подтвердить мирный договоръ, составленный въ Дубровникѣ. Но зная коварство Порты, Лука не отправился самъ, а выслалъ къ нимъ лицъ самыхъ довѣренныхъ: своего брата Іолу, Рада Бачича изъ Рудина, Дрека Гергуревича изъ Гацка, Луку Петковича и Мичу Любобратича, своего побочнаго брата.

Отправляя ихъ, Лука настаивалъ, какъ имъ беречься, чтобы турки ихъ не обманули; совѣтовалъ не ходить то къ одному, то къ другому пашѣ порознь, а являться лишь въ общее собраніе и всегда вооруженными: турки—старые обманщики и легко могутъ ихъ провести.

Пріѣхавъ въ Мостаръ, послы не забывали совѣтовъ Луки. Когда они явились въ общее собраніе пашей, стамбульскій визирь Древдедъ-паша всталъ съ своего мѣста и спросилъ ихъ, не уполномочены ли они отъ Луки на какія нибудь измѣненія въ договорѣ; но видя, что всѣ его намѣренія не удаются, паша отказался отъ всякихъ хитростей и обмановъ и подписалъ договоръ, а за нимъ и всѣ остальные.

На этомъ покончилось собраніе, и послы Вукаловича выѣхали изъ Мостара.

Какъ только, вернувшись въ Зубцы, они принесли Лукѣ утвержденный и подписанный договоръ, Лука отправился по всей возставшей странѣ, чтобы обнародовать этотъ мирный трактатъ и утвердить всѣхъ начальниковъ въ ихъ должностяхъ. Во время своего путешествія, онъ едва не лишился жизни; неизвѣстно кѣмъ подосланный, нѣкто Іованъ повсюду слѣдилъ за нимъ съ цѣлью убить этого неутомимаго борца за сербскую независимость. Но почитатели и друзья воеводы, узнавшіе о злодѣйскомъ замыслѣ, успѣли во время предупредить грозившую ему опасность. „О пустая слава! съ горечью воскликнулъ при этомъ Лука: такъ-то ты вознаграждаешь народолюбіе! такъ-то ты укрѣпляешь человѣческіе характеры! такъ ли... но,

не хочу продолжать свои упреки судьбѣ. Чего кто ищетъ, тотъ самъ то и находитъ. Кто сѣетъ непогоды, тотъ бури пожинаетъ!“

Несмотря на всѣ козни враговъ, Лука благополучно обошелъ всю страну и вездѣ былъ встрѣчаемъ народомъ съ изъявленіями большой радости. Вернувшись въ Зубцы, онъ провелъ тамъ нѣкоторое время спокойно.

По окончаніи всѣхъ переговоровъ о водвореніи дружескихъ отношеній, турецкія власти часто приглашали Луку въ Мостаръ или Требинье, но Лука всегда боялся какой нибудь западни и никогда не ходилъ туда. Наконецъ, требинюскій каймакамъ, во главѣ 500 воиновъ, явился подъ стѣны турецкой крѣпости недалеко отъ Зубцовъ и потребовалъ Луку на свиданіе для какихъ-то переговоровъ. Хотя Лука и догадывался о намѣреніи каймакана, но на этотъ разъ рѣшился отправиться въ сопровожденіи 200 юнаковъ на свиданіе съ Мулинъ-еффенди.

Турокъ принялъ его отлично, говорилъ съ нимъ о всякой всячинѣ; но черезъ нѣсколько времени сталъ прямо уговаривать Луку признать турецкое господство надъ Зубцами и всей Герцеговиной. Несмотря на всѣ обѣщанія еффенди, Лука конечно и слушать не хотѣлъ о такой сдѣлкѣ, говоря, что скорѣе пожертвуетъ собственною головою, нежели согласится предать свой народъ.

Видя, что лесть и хитрость не помогаютъ, каймакамъ попробовалъ пригрозить Лукѣ войскомъ, которое было у него подъ рукой, надѣясь страхомъ заставить Луку выдать своихъ собратій. Но на угрозы Лука отвѣчалъ тоже угрозами. „У тебя, еффенди,—сказалъ онъ,—500 воиновъ, а у меня только сто, но они всегда готовы погибнуть за свою родину. Если тебѣ пришла охота биться—побьемся, пусть всѣ знаютъ, что намъ, сербамъ, нѣтъ спокойнаго житья въ собственной своей странѣ“. И при этихъ словахъ Лука вскочилъ съ мѣста и вынулъ саблю.

Горячность Луки испугала еффенди, и онъ уже совсѣмъ кротко началъ говорить: „Полно Вукаловичъ! развѣ ты не видишь, что я шучу; я самъ желаю мира, а не ссоры, и предпочитаю жить въ полномъ согласіи съ вами.“—„До сихъ поръ я не умѣлъ шутить съ турками, отвѣчалъ Лука,—и теперь не хочу этому учиться, а потому прощай, Богъ съ тобой!“

Лука удалился въ негодованіи, а Мулинъ-еффенди съ своимъ войскомъ вернулся назадъ въ Требинье; теперь главнымъ желаніемъ его было добыть голову воеводы. Онъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ крушевицкихъ и зубацкихъ начальниковъ, между ними Михаила Спаича и Лака Милошевича, и обѣщаніями склонилъ ихъ на свою сторону, и эти измѣнники дали ему слово, что выдадутъ ему Луку. Они вышли изъ Требинья и начали всякими неправдами и хитростями склонять простой народъ захватить Луку и его друзей и выдать ихъ турецкому правительству.

Такимъ образомъ зубчане и крушевичане измѣнили своему храброму воеводѣ, который столько разъ ради нихъ подвергалъ свою

жизнь опасности и всегда готовъ былъ, для общаго блага, на всевозможныя пожертвованія и самоотверженіе.

Узнавъ про замыслы зубчанъ и крушевичанъ, Лука заперся въ своемъ каменномъ домѣ въ Ублимѣ, подъ горою Ястребицей, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іолою, Лукою Петковичъ, Милошемъ Средановичемъ, Мичомъ Любобратичемъ и съ другими юнаками; имъ приходилось теперь обороняться уже не отъ турокъ, а отъ своихъ же братьевъ-измѣнниковъ! Лука даже послалъ за помощью въ Грахово къ воеводѣ Анту Доковичу. Анта немедленно выслалъ ему отрядъ въ 30 человѣкъ.

Видя, что Лука не дается имъ самъ въ руки, вѣроломные измѣнники обратились къ его довѣрчивости. Они пригласили его на совѣщаніе.

Лука радъ былъ вѣрить, да и притомъ онъ повѣрилъ не самимъ измѣнникамъ, а обольщенному и обманутому ими народу; онъ вышелъ изъ дому и обратился къ народу съ слѣдующими словами:

„Бѣдные мои братья! до чего вы дошли, что уже меня гоните и предаете туркамъ! Развѣ вы не знаете, что безъ меня турки снова возьмутъ надъ нами верхъ, затопчутъ насъ ногами и припомнятъ намъ всѣ тѣ кровавыя раны, которыя мы наносили имъ на поляхъ битвы, пока жили согласно и дружно. Васъ кто-то обманываетъ, друзья мои, и возстановляетъ противъ меня; я увѣренъ, что вы это дѣлаете не отъ злаго сердца, а по незнанію. Если-же кто изъ васъ знаетъ за мной какой-нибудь проступокъ, то судите меня за него сами, а не выдавайте туркамъ, друзья мои! Это великій грѣхъ передъ Богомъ—выдать своего невиннаго брата. Знайте, что нѣтъ измѣны гнуснѣе братской, нѣтъ клятвы сильнѣе народной, нѣтъ мученій хуже турецкихъ. Подумайте хорошенько, на что вы рѣшились; берегитесь, чтобы остальные братья сербы не стали вспоминать о насъ съ ужасомъ; чтобы не прокляли васъ ваши потомки, какъ проклинаемъ мы теперь сами Бранковича и другихъ измѣнниковъ. Повторяю вамъ, братья мои, что если вы считаете меня въ чемъ-либо виноватымъ, я отдаюсь на вашъ судъ, но живымъ не отдамся ни въ чьи руки и не пойду въ города къ туркамъ".

Выслушавъ эту рѣчь, народъ пришолъ въ ярость противъ своихъ подстрекателей и готовъ былъ немедленно осудить ихъ своимъ справедливымъ судомъ. Но Лако Милошевичъ перехитрилъ. „Пусть Вакуловичъ остается у себя дома, сказалъ онъ, а въ Требинье пусть идетъ Лука Петковичъ".

Лука согласился на это предложеніе и сказалъ Петковичу, чтобы онъ пошолъ узнать, чего добиваются еще турки, послѣ того какъ миръ скрѣпленъ и подписанъ.

На этомъ покончилось народное собраніе, и Петковичъ отправился съ упомянутыми выше начальниками въ Требинье. Какъ только они явились передъ камайкамомъ, они осыпали обвиненіями Петковича и говорили: „Если намъ его такъ легко удалось поймать, то скоро доставимъ вамъ и Луку".

Слыша эти измѣнническія слова, Петковичъ сказалъ: „Я самп родомъ изъ Требинья, куда меня привели; въ горы я не хочу возвра-

щаться, мнѣ опротивѣла тамошняя жизнь. Позвольте мнѣ только пойти на базаръ; я найду тамъ кого-нибудь изъ нашихъ, кто извѣститъ о томъ моихъ родственниковъ въ горахъ: иначе Вукаловичъ подумаетъ, что меня задерживаютъ здѣсь силой и не согласится прійти“.

Турки повѣрили ему и отпустили его: день уже клонился къ вечеру, а съ наступленіемъ ночи Петковичъ бѣжалъ къ Вукаловичу и разсказалъ, какъ и что съ нимъ было.

Выслушавъ все, Лука понялъ, что ему здѣсь нечего больше дѣлать; съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ онъ свой родной очагъ и съ нѣсколькоми вѣрными друзьями ушелъ въ Ястребицкія планины, гдѣ сходятся три границы: австрійская, черногорская и турецкая, такъ-что во всякое время можно было перейти за одну изъ этихъ границъ въ случаѣ преслѣдованія со стороны другаго пограничнаго правительства. Тутъ они прожили у своихъ родственниковъ до Троицына дня 1863 г. Но за тѣмъ имъ стала невыносима жизнь безъ всякихъ извѣстій о своихъ братьяхъ; они уговорились разойтись въ разныя страны.

Съ этой цѣлью, Вукаловичъ отправилъ однажды ночью Луку Петковича въ Дубровникъ, къ русскому консулу Константину Петковичу, чтобы онъ разсказалъ ему про всѣ ихъ несчастія и спросилъ его, не прійметъ-ли ихъ на нѣкоторое время Россія?

Выслушавъ Луку Петковича, русскій консулъ немедленно послалъ спросить разрѣшенія у русскаго правительства и скоро получилъ слѣдующій отвѣтъ: Вукаловичъ и друзья его могутъ свободно пріѣхать въ Россію и жить въ ней на государственный счетъ.

Тогда консулъ далъ письмо Петковичу къ окружному дубровницкому начальнику Решетару, у котораго испрашивалъ для Вукаловича и друзей его свободнаго прохода чрезъ австрійскія земли.

„А, разбойникъ! откуда ты взялся?“ закричалъ Решетаръ, увидя Петковича. Послѣдній возразилъ, что разбойники прячутся по горамъ и пустырямъ, а не приходятъ въ царскіе города, и тутъ же подалъ ему письмо консула. Прочитавъ его, Решетаръ сказалъ: „Что это вамъ вздумалось? захотѣлось удалиться отсюда?“—Мы хотимъ, чтобы на вашихъ границахъ было спокойно,—отвѣчалъ ему Петковичъ.

Дней десять спустя, было выдано позволеніе для Луки свободнаго перехода въ Россію черезъ австрійскія земли. Забравъ всѣ бумаги, Петковичъ поспѣшилъ въ Ястребицу, чтобы передать Вукаловичу это позволеніе.

Выслушавъ его, Лука глубоко вздохнулъ и воскликнулъ: „О, проклятая судьба! до чего я дожилъ! лучше бы мнѣ было погибнуть гдѣ нибудь въ честномъ бою, нежели теперь отправляться скитаться по бѣлому свѣту, далеко отъ дорогой родины!“

Друзья утѣшали его, говоря: Богъ дастъ, мы скоро возвратимся назадъ; теперь же мы сами видимъ, что намъ нельзя тутъ жить. Кто знаетъ? можетъ Провидѣніе посылаетъ намъ испытанія, чтобы....

„Кончайте, друзья мои, сказалъ Лука. Нѣтъ худшаго горя, какъ если счастье во всемъ намъ измѣнитъ. Тяжело и горько оставлять

Сборъ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ жителей Босніи, Герцеговины и старой Сербіи производится у:

А. Н. Стрекаловой, предсѣдательницы Дамскаго отдѣленія (на Тверской, противъ Палашевскаго пер., д. Маркова).
М. П. Ададуровой, (у Красныхъ воротъ, соб. домъ).
А. Ѳ. Аксаковой, (у Арбатскихъ воротъ, Филипповскій пер., домъ Скородумова).
С. А. Бернаръ, (на Спиридоновкѣ, д. Лебедева).
Кн. В. О. Эрастовой, (Тверской бульваръ, д. Вырубова)
Л. Н. Іонинойй, (у Прѣсненскаго моста, д. Краевскаго, кв. Лури).
С. Н. Катковой, (Страстной бульваръ, д. Университ. Типографіи).
С. М. Погодиной, (Дѣвичье поле, собственный домъ).
С. Ф. Подгорѣцкой, (Мясницкая, д. Почтамта).
Р. П. Поляковой, (Тверской бульваръ, соб. домъ).
А. Н. Пороховщиковой, (Большая Дмитровка, д. Ноостица).
Кн. Н. П. Шаликовой, (Страстной бульваръ, д. Университетской Типографіи).
Кн. Е. Д. Щербатовой, (Большая Никитская, соб. домъ).
И. С. Аксакова, казначея Дамскаго комитета, (въ правленіи Общества Взаимнаго Кредита, на Варваркѣ, д. Варанова).
Н. А. Попова, секретаря, (на Сѣнной, у Смоленскаго бульвара, д. Брока).
С. П. Яковлева, (секретаря) на Софійкѣ, д. Арганакова.

Всѣ пожертвованія отсылаются: въ Бѣлградъ, митрополиту Сербіи Михаилу, и въ Цетинье, митрополиту Черногоріи Иларіону.

Сборъ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій въ польз бѣдствующихъ жителей Босніи, Герцеговины и старой Сербі производится у:

А. Н. Стрекаловой, предсѣдательницы Дамскаго отдѣленія (на Твер ской, противъ Палашовскаго пер., д. Маркова).

М. П. Ададуровой, (у Красныхъ воротъ, соб. домъ).

А. Ѳ. Аксаковой, (у Арбатскихъ воротъ, Филлиповскій пер., дом Скородумова).

С. А. Бернаръ, (на Спиридоновкѣ, д. Лебедева).

Кн. В. О. Эрастовой, (Тверской бульваръ, д. Вырубова).

Л. Н. Іониной, (у Прѣсненскаго моста, д. Краевскаго, кв. Лури

С. Н. Катковой, (Страстной бульваръ, д. Университ. Типографіи

С. И. Погодиной, (Дѣвичье поле, собственный домъ).

С. Ф. Подгорѣцкой, (Мясницкая, д. Почтамта).

Р. П. Поляковой, (Тверской бульваръ, соб. домъ).

А. Н. Пороховщиковой, (Большая Дмитровка, д. Ностицъ).

Кн. Н. П. Шаликовой, (Страстной бульваръ, д. Университетск Типографіи).

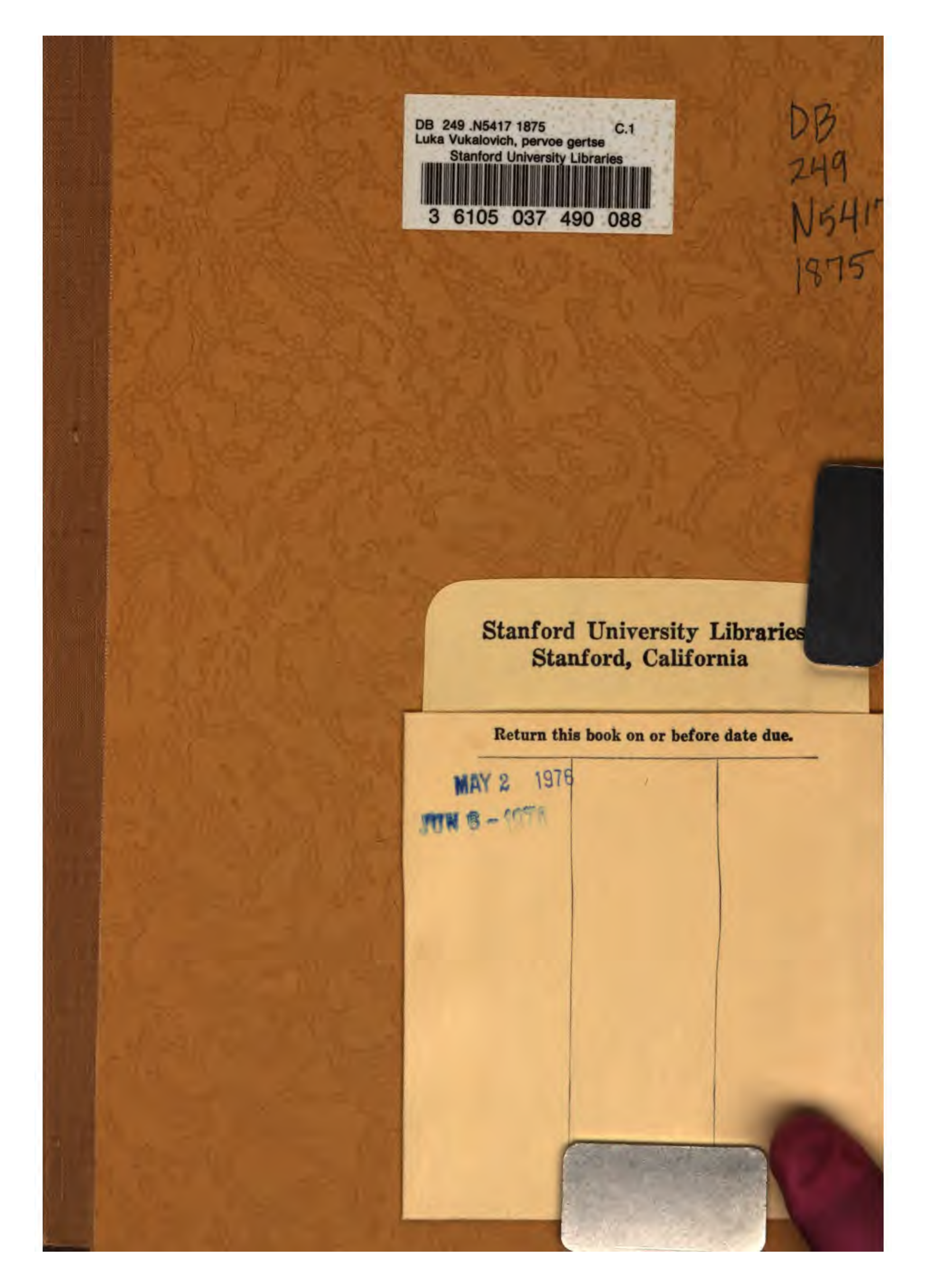
Кн. Е. Д. Щербатовой, (Большая Никитская, соб. домъ).

И. С. Аксакова, казначея Дамскаго комитета, (въ правленіи Общ ства Взаимнаго Кредита, на Варваркѣ, д. Баранова).

Н. А. Попова, секретаря, (на Сѣнной, у Смоленскаго бульвара, Брока).

С. П. Яковлева, (секретаря) на Софійкѣ, д. Аргамакова.

Всѣ пожертвованія отсылаются: въ Бѣлградъ, митрополиту Серб Михаилу, и въ Цетинье, митрополиту Черногоріи Иларіону.

DB 249 .N5417 1875 C.1
Luka Vukalovich, pervoe gertse
Stanford University Libraries
3 6105 037 490 088
DB
249
N541
1875
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
MAY 2 1976